

Григорий ГОРИН

Полет Маргариты

Что значил старый Дом Актера на улице Горького для его постоянных посетителей? Про это уже написаны книги, сняты фильмы, но все равно, каждый еще и еще хочет добавить нечто совсем личное, сокровенное.

Для меня и собственная квартира, в которой прожил почти 25 лет, как бы являлась продолжением Дома имени Яблочкиной. В свое время мы с женой выменяли две однокомнатные квартиры в Кузьминках на одну двухкомнатную, но зато на улице Горького. И не просто на Горького, а в доме номер 17 с окнами напротив кабинета самого Александра Моисеевича Эскина. Этот замечательный вид входил в число самых главных достоинств квартиры, имевшей в остальном много недостатков.

Близость, территориальная и визуальная, с жизнью Дома Актера так прочно вошла в мою жизнь, что дым и пламя в здании ВТО, увиденные из окна, ощутились сразу почти физически, как пожар в собственной квартире и судьбе...

Короче, через несколько дней, глядя на обгорелые развалины ВТО, я понял, что надо съезжать с квартиры на улице Горького.

Сам же Дом Актера не сразу пришел к такому мнению — была долгая борьба за восстановление сгоревшего помещения, всевозможные благотворительные марафоны, обращения к благотельям-спонсорам... Через некоторое время стало ясно, что старый Дом утерян навсегда и надо искать новый.

“Маргарита летела беззвучно, очень медленно и невысоко... Но и при медленном лете, у самого выхода на ослепительно освещенный Арбат, она немного промахнулась и плечом ударилась о какой-то освещенный диск... “На Арбате надо будет быть еще поосторожнее, — подумала Маргарита, — тут столько напутано всего, что не разберешься...” Маргарита вылетела в переулок... В конце его ее внимание привлекла роскошная громада восьмиэтажного, видимо, только что построенного дома. Маргарита пошла вниз и, приземлившись, увидела, что фасад дома выложен черным мрамором, что двери широкие, что за стеклом виднеется фуражка с золотым галуном и пуговицы швейцара и что над дверями золотом выведена надпись “Дом Драмлита”...

Честно говоря, я никогда раньше не знал, что Дом на Арбате, где располагалось Министерство культуры СССР, и есть тот дом, что описан М.А.Булгаковым в романе “Мастер и Маргарита”. Тем более никогда не мог себе представить, что это мрачное, многокабинетное, длиннокоридорное, бестолковолестничное учреждение придется переименовывать в уютный актерский клуб. Поэтому я был в числе хулителей предложенного помещения. Я предлагал “погодить” и ждать журавля в небе, тем более, что в руки шла даже не синица, а помесь кукушонка с черным воронком.

Ярых сторонников нового дома возглавила М.А.Эскина. Нет недаром звалась она Маргаритой!!! С заразной, почти бесовской энергией она обивала пороги высоких кабинетов, строила проекты и планы, вела переговоры с деловыми людьми, убеждала и переубеждала неделовых, таких, например, как я...

“Все будет нормально, братишка — говорила она мне (“братишкой-приемышем” в семье Эскина я стал с доброго согласия Александра Моисеевича) — Дом, как дом! Надо лишь обуютить!”

Имеют право быть представленными ко Двору те дамы, мужья которых имеют чины генерала или статского советника, или если оне получили шифр Государыни Императрицы, т.е. назначены в фрейлины к Ея Величеству. Лучший этикет при Дворе, как и везде, это - скромность и вежливость, которые должны быть одинаковы ко всем окружающим лицам.

(Из книги “Хороший тон”, С.-Петербург, 1881)

- Это невозможно! — спорил я. — У помещения плохая “аура”... Здесь сидели чиновники и травили художников! Здесь стены впитали зло!

- Поменяем обоим! Перекрасим стены! Зло выгоним! “Ауру”-создадим! — Маргарита убеждала краткими тезисами. — Начнем работу дома со “свечей”! (Она имела в виду традиционные посылки “При свечах”). В старом Доме очередные “свечи” должен был вести ты. Значит, тебе и начинать здесь!

- Но как?

- Не знаю! Придумай... В конце концов, твоя задача — причинить людям радость!

Придя домой, я открыл роман Булгакова и стал перечитывать главу “Полет Маргариты”... И буйное поведение булгаковской Маргариты, влетевшей в дом на шетке и крушившей все вокруг, очень напоминало решимость Эскиной... Самое поразительное ожидало в конце главы 21 -ой, ибо следующая, 22- ая называлась провидчески :

“При свечах”.

Я дрогнул, поняв, что отступать мне некуда.

(Из книги “Дом Актера - 60 лет”, изданной к юбилею журналом “Московский наблюдатель”.)

